

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2022

И. В. Жарков

linguexpert@gmail.com

начальник научно-методического отдела Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам Санкт-Петербурга, Россия

Е. А. Колтунова

koltunova52@yandex.ru

*доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики
Института филологии и журналистики
Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
член правления Гильдии лингвистов-экспертов
по документационным и информационным спорам
Нижний Новгород, Россия*

ПОНЯТИЯ ОДОБРЕНИЯ, ОПРАВДАНИЯ И ОБОСНОВАНИЯ КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. Статья содержит лингво-правовой анализ понятий одобрения, оправдания и обоснования в контексте судебно-экспертной лингвистической практики. Разграничение этих понятий является актуальным для современного состояния лингвистической экспертологии, так как речевые акты одобрения, оправдания, и обоснования обладают значительным сходством.

Ключевые слова: речевой акт; оправдание; обоснование; одобрение; публичное оправдание терроризма.

Актуальность темы статьи обусловлена недостаточной научно-практической разработанностью важнейших в современных условиях лингво-правовых понятий одобрения, оправдания и обоснования. Вместе с тем проблемы методического инструментария и научного аппарата всегда входили в число важнейших, потому что любая лингвистическая экспертиза – это серьезное научное исследование, которое должно исключать многомерность и субъективность лингвистических подходов и интерпретаций того или иного речевого акта. Следовательно, выявление существенных лингвистических признаков и свойств важной в диспозиции ряда статей УК РФ терминологии является чрезвычайно актуальной проблемой. В юридической практике термины *оправдание* и *обоснование* достаточно востребованы: в Федеральном законе

от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с многочисленными изменениями и дополнениями) экстремистская деятельность (экстремизм) дефинируется в том числе и через *оправдание* терроризма, *оправдание* нацистской и экстремистской идеологии, а также через *оправдание* необходимости осуществления экстремистской деятельности и *оправдание* национального и (или) расового превосходства либо оправдание практики совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В ФЗ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ дается определение понятия *террористическая деятельность* в том числе и через *оправдание* осуществления пропаганды идей терроризма и распространения материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности (ст. 3), *оправдание* терроризма (ст. 24). Кроме того, к числу признаков, эксплицирующих «язык вражды», в научном обиходе используются следующие: *оправдание* исторических случаев насилия и дискриминации; *оправдание* геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо расовой, этнической, национальной, религиозной или социальной группы. Термины *оправдание* и *обоснование* в причастных формах используются при определении понятия «экстремистские материалы: «*экстремистские материалы – предназначенные для распространения либо публичного демонстрирования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности*».

Наименее востребован термин *одобрение*, который используется в ст. 354.1 УК РФ «Реабилитация нацизма», где сказано о запрете на одобрение преступлений, установленных приговором Международного военного трибунала.

Словарное значение понятий *одобрение*, *оправдание* и *обоснование* является чрезвычайно близким. Словари современного русского языка дают следующее толкование этих лексем:

1. «Современный толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова в редакции 2003 года:

– *одобрение* – действие по значению гл. *одобрять*; признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала». В свою очередь глагол *одобрить* реализует следующее значение: положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-либо; счесть правильным поступок, поведение кого-л. // принять что-л., согласиться с чем-либо;

– *оправдание* – 1. Действие по значению гл. *оправдать*. 2. Приговор суда, содержащий признание невинности подсудимого. 3. Доводы, объяснения,

378 | позволяющие оправдать, извинить кого-, что-л. Глагол *оправдать* имеет следующие словарные значения: 1. Вынести судебный приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания. 2. Признать правым, поступившим непредосудительно. 3. Признать что-л. возможным, непредосудительным. 4. Показать себя достойным чего-л., заслуживающим чего-л. (*о. надежды*). 5. Возместить, окупить (расходы) [11: 456];
 – *обоснование* – 1. к *Обосновать* и *Обосноваться*. 2. То, что является основанием для чего-л. Глагол *обосновать* отмечен со следующим словарным значением: Подтвердить убедительными доказательствами, привести серьезные доводы в пользу чего-л. [11: 432].

2. «Большой толковый словарь» под ред. С. А. Кузнецова в редакции 2014 г. дает несколько иное толкование:

– *одобрение* – Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала. *Одобрить* – Положительно, с похвалой отозваться о действиях кого-л.; счесть правильным поступок, поведение кого-л. // Принять что-л., согласиться с чем-л.;

– *оправдание* – 1. К *Оправдать*. 2. Приговор суда, содержащий признание невиновности подсудимого. 3. Признание кого-л. невиновным, поступившим непредосудительно; доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-л. 4. Обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-л. 5. Возмещение чем-л. равноценным (утраченного или захваченного);

– *оправдать* – 1. Вынести судебный приговор, содержащий признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания. 2. Признать правым, поступившим непредосудительно. 3. Признать что-л. допустимым, возможным, непредосудительным. 4. Показать себя достойным чего-л., заслуживающим чего-л. (*О. ожидания, надежды*). 5. Возместить, окупить (расходы). [2: 703, 719];

– *обоснование* – 1. К *Обосновать* и *Обосноваться*. 2. То, что является основанием для чего-л. Глагол *обосновать* отмечен со следующим словарным значением: Подтвердить убедительными доказательствами, привести серьезные доводы в пользу чего-л. [2: 681].

3. В «Новом толково-словообразовательном словаре» Т. Ф. Ефремовой:

– *одобрение* – 1. Признание хорошим, правильным; положительный отзыв, похвала. 2. Письменное свидетельство о хорошей работе и поведении;

– *одобрять* – 1. Считать приемлемым, хорошим, правильным. // Отзываться о чем-либо положительно. 2. Хвалить кого-либо, признавая его действия или поступки правильными. [4: 4805–4806];

– *оправдание* – 1. Процесс действия по знач. глаг.: *оправдывать, оправдать*. 2. а) Признание кого-л. невиновным или поступившим непредосудительно; б) Основание для такого признания. 3. а) Признание подсудимого

невиновным. б) Приговор суда, отвергающий предъявленное подсудимому обвинение. 4. Обоснование справедливости или целесообразности чего-л. 5. разг. Возмещение утрат или затрат чем-л. равноценным. [4: 4909];

– обоснование – 1. Процесс действия по знач. глаг.: *обосновать*. 2. Положение, подкрепленное убедительными доводами, весомыми доказательствами;

– обосновать – см. *Обосновывать*. Приводить убедительные доводы для подтверждения чего-л., подкреплять доказательствами что-л. [4: 4681–4682].

Близость значений анализируемых лексем, отраженных в словарных статьях, приводит к смешению или нечеткому разграничению этих понятий в экспертной литературе. Так, в одном из учебных пособий по лингвистической экспертизе находим: *«Следовательно, обоснование или оправдание необходимости осуществления возбуждения расовой, национальной вражды предполагает, что в спорном тексте выявлены высказывания, в которых:*

– *приводятся доказательства (аргументы, факты, доводы), свидетельствующие о необходимости возбуждения расовой и национальной вражды;*

– *приводятся доказательства (аргументы, факты, доводы), оправдывающие необходимость возбуждения расовой и национальной вражды, характеризующие возбуждение национальной вражды как допустимое, возможное действие, не являющееся предосудительным»* [13: 28].

А в известном, научно выверенном и последовательно проработанном методическом пособии сказано: *«Возможны различные способы выражения оправдания чьих-либо действий, деятельности: восхваление, героизация, приведение как образца для подражания, одобрение, приветствование, пожелание положительного результата, сожаление по поводу прекращения террористических действий, солидаризация с идеологией и пр.»* [6: 71]. Таким образом, одобрение квалифицируется как один из способов оправдания.

Однако близость значения рассматриваемых лексем отнюдь не означает их семантической идентичности. Как отмечалось в нашей статье «Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы» [5: 18–19], семантическое сходство в случае одобрения и оправдания не является нетривиальным, то есть существенным: с этой точки зрения между одобрением и оправданием наблюдается только общее сходство по отсутствию отрицательной общеоценочной семы ‘*считать, что что-то плохо*’, или ‘*считать, что кто-то сделал плохо*’. Однако отмеченного семантического признака недостаточно. То же следует заметить и в отношении речевого акта (РА) обоснования: при заметной семантической близости с оправданием РА обоснования имеет и существенные отличия, связанные с тем, что Б. Рассел называл «подтвердителем» (верификатором) высказывания; иначе говоря, в обосновании повышен аргументативный (логический) компонент значения и снижен общеоценочный – ‘*считать, что что-то плохо*’ / ‘*считать, что что-то хорошо*’. Анализ словарных толкований терминов «обоснование /

380 | обосновывать» позволяет выделить доминанту *‘приводить некие основания (причины) для чьих-либо утверждений, убедительно доказывать точку зрения, вовлекая/не вовлекая в дискурс’*. Обоснование – это своеобразный способ доказывания чего-либо, обладающий некой логикой; с коммуникативно-прагматической точки зрения это – форма выражения каузальной интенции. Обоснование в значительно большей степени включает в себя фактологическую информацию, директивы, а также апелляции к авторитетам.

Следовательно, в основе речевого акта обоснования лежит логизированность изложения, приведение цепочки фактов и умозаключений по проблеме; среди них выделяются обосновываемые директивы, комиссивы, констати-вы и др. Используется методика сравнения и оценки сравниваемых величин. Обоснование необходимости чего-либо выражается в грамматических конструкциях побуждения с использованием глаголов в сослагательном наклонении либо сочетанием таких модальных слов и глаголов, как «было бы желательно», «хотелось бы», «необходимо», «нужно», «требуется» и пр. Понятийно-семантическим признаком обоснования необходимости какой-либо деятельности является выражение автором положительного, одобри-тельного отношения к этой деятельности, ее реальному или предполагаемому в будущем результату.

Разграничение одобрения и оправдания, по-видимому, логично связывать с признаком *‘утверждение (эксплицитное или имплицитное) соответствия / несоответствия некой норме и (или) целесообразности’*. Указанный признак будет являться обязательным для РА *оправдания*, но факультативным для РА *одобрения*, поскольку основания позитивной оценки, выражаемой в акте одобрения, в общем случае могут быть иными, отличными от соответствия норме и целесообразности. Таким образом, *одобрение* – это речевой акт позитивно-оценочной квалификации, квалификатив как разновидность репрезентатива. (Я могу одобрять что-то или кого-то только потому, что что-л. / кто-л. мне нравится по каким-то параметрам, не обращая внимания на то, соответствует ли это каким-то нормам (например, *одобрил инвективные выражения политика, одобрил чье-то социально порицаемое, но в высшей степени оригинальное поведение, одобрил безумство храбрых врагов*).

Оправдание – это не просто субъективное выражение положительного отношения к кому-л. / чему-л., не просто эмоционально-оценочная реакция – это обязательное соотнесение с нормой. Налицо не субъективная оценка, а соотнесение своих субъективных представлений о правилах с неким их объективно существующим нормативным, общественным сводом (нельзя ругаться матом, воровать, убивать и т. п.). РА *оправдания* включает в себя информацию не столько оценочного, сколько аналитического типа, преимущественно соответствует не форме этически оценочного суждения, а форме вывода; высказывание-оправдание выражает или подразумевает (в послед-

нем случае – имеет пресуппозицией) сведения о причинно-следственной связи между теми обстоятельствами, которые лежат в основе оправдания, и собственно актом оправдания. Позитивная оценка оправдываемого лица, явления, действия, свойства и т. п. в РА оправдания может как присутствовать, так и отсутствовать, но даже в случае ее присутствия она не может рассматриваться как признак, по которому данный речевой акт подлежит квалификации как акт оправдания. С этой точки зрения *оправдание* можно назвать более значимым в социальном и юридическом аспектах речевым актом, предполагающим большую степень ответственности говорящего (пишущего) за содержание высказывания.

Рассматриваемые речевые акты являются разноуровневыми: одобрение – эмоционально-оценочный (наряду с похвалой, комплиментом и др.) акт, иллюкутивная сила которого направлена на изменение эмоционального состояния читателя или слушателя. *Оправдание* – регулятивно-прескриптивный, выражающий положительную каузацию предписательного / рекомендательного характера, то есть эксплицитное или имплицитное побуждение прескриптора, которое направлено на совершение или несовершение адресатом определенного действия. Обоснование входит в группу декларативно-директивных РА, выражающих намерение говорящего изменить окружающую действительность путем произнесения определенного высказывания, т.е. говорящий приводит те или иные доводы в пользу положения дел, представленного содержанием высказывания.

Анализируемые РА обладают разной модальностью: одобрение тяготеет к оценочной модальности (*хорошо, великолепно, замечательно, отлично* и др.), *оправдание* выражает скорее деонтическую, то есть нормативную модальность долженствования, давая характеристику действия с точки зрения определенной системы норм (*должно/не должно, соответствует/не соответствует*), а обоснование в значительной степени выражает побудительную и объективную модальность.

С точки зрения формальной организации, *оправдание* представляет собой комплексный РА, так как структура оправдательного высказывания содержит две самостоятельные составляющие: оправдательный вывод и аргументативную часть, каждая из которых в речи может быть имплицирована. Двойственный либо тройственный характер оправдательной аргументации (факульгитивная эмоция, обязательная фактуальность, обязательная логичность) формирует специфическую лингвистическую наполняемость этого РА. С этой точки зрения РА оправдания и обоснования в значительной степени близки.

К сказанному необходимо добавить, что одобрение вполне возможно без оправдания (*Он ударил Петрова, я это одобряю, потому что только так с хаммами и надо, но не оправдываю таких методов борьбы с хамством*), а *оправдание* возможно и без одобрения (*Я могу не одобрять некоторых*

382 | методов борьбы с экстремизмом, но оправдываю необходимость самой борьбы).

Чрезвычайно существенным обстоятельством является то, каким образом законодатель определяет содержательные особенности термина *оправдание* в диспозиции ст. 205.2 УК РФ. Согласно Примечанию 1 в тексте этой статьи, *публичное оправдание терроризма* выражается в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. При этом под идеологией и практикой терроризма понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (см. п. 1 ст. 3 ФЗ «О противодействии терроризму»). Следовательно, эксперт-лингвист должен проанализировать *публичное оправдание терроризма* как «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», или, полностью раскрывая содержание искомого явления, «публичное заявление о признании правильными, нуждающимися в поддержке и подражании идеологии насилия и практики воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Существительное *признание* является трансформой глагола *признать* в значении ‘установить что-л., прийти к какому-л. заключению’ (данное значение реализуется, в частности, в сочетании с управляемыми формами *кого-что, каким, чем*) [2: 978].

Прилагательное *правильный* в актуальных для контекста «признание идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» значениях ‘верный, безошибочный; истинный, соответствующий реальной ситуации’, ‘настоящий; такой, какой нужен; хороший, справедливый’ [2: 952] выражает прямую позитивную оценку характеризуемого явления реальной действительности, составляющую основное смысловое содержание приведенных значений.

Существительное *идеология* в этом контексте интерпретируется как политический термин, выражающий понятие ‘система взглядов, идей, представлений, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в том или ином обществе, в той или иной социальной группе, политической партии и т. п.’ [2: 375].

Существительное *практика* в рассматриваемом контексте интерпретируется в значении ‘накопленный опыт, совокупность приемов и навыков в какой-л. области деятельности’ [2: 955].

Глагол *нуждаться* в том же контексте интерпретируется в значении 'требовать чего-л., вызывать необходимость чего-л.' [2: 659].

Словесная конструкция «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», использованная в Примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ в качестве дефиниции понятия публичного оправдания терроризма, обязательная к применению при правовой квалификации соответствующих деяний, предполагает, что общая экспертная задача, подлежащая решению в лингвистической экспертизе по материалам уголовных дел, в рамках которых лицо обвиняется в совершении публичного оправдания терроризма, – выявление в спорном тексте отдельных высказываний, в которых выражается заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, а также установление того, может ли рассматриваться в качестве такого заявления спорный текст в целом. Описанный подход полностью согласуется с методикой, опубликованной по решению Научно-методического совета ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России: «Публичное *оправдание* терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания» [6: 11].

Важно отметить необходимость точного использования в судебно-экспертной практике понятия *оправдание*, так как его содержание оказывается важным для судеб многих людей. Однако, как отмечалось выше, в существующих методических пособиях рассматриваемые речевые акты порой определяются сходно до степени смешения, зачастую «заставляя» экспертов сводить к оправданию и обоснованию любые формы одобрения или положительной оценки.

Так, в одном из судебных дел фигурировал текст, произнесенный имамом на похоронах молодого человека: «...*Сегодня наш брат по вере покинул нас... Он всегда предпочитал смерть жизни. Красивая одежда, машины, хороший дом, от всего этого наш брат по вере отвернулся еще пару лет назад... Он был Аскетом. Аскет – это тот, кто отказался от мирского.... Он имел возможность. Но он говорил, что желает Рай*». «Этот дунья не для меня» *Вот как надо относиться к Мирской жизни. В чем он нуждался, он использовал, а на лишнее не смотрел. Он мог, как и доугие, построить дом. Он имел возможность. Но он говорил, что желает Рай. И за два дня до смерти он говорил друзьям: «Я скоро отправлюсь к Аллаху». «Всегда ты об этом говоришь», – сказали друзья. Но на этот раз воля Аллаха была такова. Такой был Кадар. Что нам делать, братья по вере? Сегодня такое положение, что я даже не знаю, братья по вере. У них есть джихад, у них есть амир, у них есть кади. Они будут стоять на этом до конца. Так они говорят и не слушают ни родителей ни кого. же, братья по вере, всего лишь*

384 | хочу сохранить их жизни: такие молодые люди нужны нам живыми. Что нам делать, братья по вере... Но я не знаю, братья по вере, что делать. Они уходят один за одним». На вопрос следствия «Имеются ли в предоставленном на исследование материале высказывания, оправдывающие или обосновывающие необходимость осуществления террористической деятельности?» экспертом был дан положительный ответ по обеим позициям. Однако, несмотря на положение о том, что «оправдание решает задачу изменения существующей оценки объекта речи в сторону ее улучшения», следует заключить, что в выступлении имама отсутствуют утверждения о правильности (справедливости, необходимости, возможности или желательности) каких либо действий и взглядов, признаваемых другими (в данном случае законом) недопустимыми. В тексте выявлено положительное отношение к аскетизму верующего человека, отказу от «мирского»: «*«Этот дунья не для меня» Вот как надо относиться к Мирской жизни»* (дунья – в исламе: весь материальный мир, окружающий человека вплоть до его смерти). Лексико-семантический анализ выявляет слова и выражения, которые маркируют чувство растерянности, сожаления и невозможности помочь молодым людям, вставшим на путь джихада: «*Сегодня такое положение, что я даже не знаю, братья по вере... Так они говорят и не слушают ни родителей ни кого... Что нам делать, братья по вере... Но я не знаю, братья по вере, что делать»*».

Лексические средства положительной оценки каких-либо действий, связанные с насилием (убийство, покушение на жизнь, подрыв поезда, боевые действия, действия, связанные с противодействием государству, и др.), в данном текстовом фрагменте отсутствуют. Отсутствуют также лексические средства, связанные с проявлением стратегии оправдания насильственных действий путем восхваления (*хорошо, отлично, так и нужно поступать* и др.). Не выявлена лексика, характеризующая негативную общественную оценку предмета речи как неправильную. Таким образом, автор текста не оправдывает деяния молодых людей. В речевой коммуникации со значением обоснования позиция слушающего приоритетна. С позицией слушающего, с его личностной психологией связан, в первую очередь, замысел речи. Выбор аргументации (обоснования) зависит от того, каков психологический тип человека, так как личность слушающего определяет выбор типа аргументации. В основе речевого акта обоснования лежит логизированность изложения, приведение цепочки фактов и умозаключений по проблеме; среди них выделяются обосновываемые директивы, комиссивы, констативы и др. Используется методика сравнения и оценки сравниваемых величин. Все эти речевые особенности в исследуемом речевом отрывке отсутствуют.

С функциональной точки зрения оправдательное и обосновывающее высказывания имеют одну коммуникативную цель – *убеждение* собеседника. Особенно важным этот тезис является в антиэкстремистском законодательстве:

«Убеждение – важнейший целевой компонент «экстремистских» значений... Оправдание решает задачу изменения существующей оценки объекта речи в сторону ее улучшения: *Я говорю это, потому что хочу, чтобы вы знали – я/он делает то, что делать можно, необходимо.* Оправдание обычно реализуется в виде:

а) утверждения о правильности (*справедливости, необходимости, возможности или желательности*) каких-л. действий и взглядов, признаваемых другими (в данном случае законом) недопустимыми. Ср.: *Гитлер был прав, когда...; Он был вынужден это сделать...* и т. п.;

б) положительной оценки лица, оцениваемого остальными негативно (ср. *Гитлер молодец!*). И утверждение и оценка могут быть подкреплены доводами» [7: 105]. Однако обоснование, как правило, связано с более слабым выражением экспрессии и оценочности, и более интенсивным выражением логизированности и фактологичности.

С учетом изложенного, словосочетание «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» относится к продуктам речевой деятельности (спорному тексту в целом или отдельным высказываниям в его составе), предположительно выражающим оценочные и аналитические суждения (выводы, заключения), содержание которых соответствует одному или обоим следующим описаниям:

– система представлений, взглядов, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в социальной группе террористов, позитивно оценивается как верная, безошибочная, истинная, соответствующая реальной ситуации, необходимая (такая, какая нужна);

– отдельные террористические деяния или их совокупность позитивно оцениваются как верные, безошибочные, необходимые (такие, какие нужны) поступки, соответствующие реальной ситуации, аналогичные поступкам, требующимся в будущем.

Следовательно, в качестве специальных лингвистических признаков оправдания терроризма подлежат рассмотрению: а) суждения, выражающие оценку идеологии и (или) практики терроризма как правильных, справедливых, разумных, практически полезных; б) суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможная в будущем деятельность адресата текста являются целесообразными для адресата текста.

Важно отметить и следующее положение, дополняющее сказанное: «Семантическим признаком оправдания является положительная оценка уже совершенных действий, признание их правильными через указание на наличие существенных причин (оснований) для их совершения и правильность избранного действия и, таким образом, не напрямую, а лишь косвенно может побуждать к аналогичным действиям в будущем» [1: 333].

Не владея методикой экспертного анализа, некоторые эксперты-лингвисты в качестве аргументов представляют свое субъективное восприятие текста, игнорируя научно-методический подход к его анализу. Так, в одном из резонансных уголовных дел в качестве лингвистических средств «оправдания терроризма» эксперты манифестировали: а) негативную характеристику государства (*безжалостное, репрессивное*), б) стилистическую маркированность слов, использованных в спорном речевом материале (*ответочка, затащили, силком затащили*), в) словообразовательные средства (*путинская, силовик*), клише-ярлык (*проштампует решение*), просторечные образования (*гибэдэшники*), г) грамматическую оформленность: наречно-предикатные и усилительно-выделительные слова (*не мог, нет, буквально, вполне*), вводные слова (*на мой взгляд, главное*), оценочные конструкции (*думаю, что, посмотрим, что, надеюсь, что*), смысловые повторы (*жестокость порождает жестокость*), которые к речевому акту «оправдание» в диспозиции ст. 205.2 УК РФ не имеют абсолютно никакого отношения.

Важно обратить внимание также на то, что законодатель устанавливает в качестве требования, обязательного для признания продукта речевой деятельности уголовно наказуемым деянием «публичное оправдание терроризма» наличие выражения не любой позитивной оценки, но лишь позитивной оценки определенного вида (по семантическим признакам ‘верный’, ‘безошибочный’, ‘истинный’, ‘соответствующий реальной ситуации’, ‘необходимый (такой, какой нужен)’). В то же время наличие утверждения о соответствии оправдываемого лица, поступка, явления и т. п. какой-либо норме не относится к числу требований, обязательных для признания продукта речевой деятельности уголовно наказуемым деянием «публичное оправдание терроризма», и определено не может рассматриваться как признак, достаточный для такой квалификации. Учитывая особую дефиницию, введенную Примечанием 1 в тексте ст. 205.2, речевой акт, подлежащий квалификации как выражающий оправдание терроризма, не вполне соответствует лингвистическому понятию речевого акта оправдания как таковому, можно сказать, что он подлежит трактовке скорее как частный случай речевого акта одобрения. С практической точки зрения это означает неполную применимость в лингвоэкспертной практике традиционного понятия РА оправдания в случаях, когда речь идет о публичном оправдании терроризма: в лингвистической экспертизе по уголовным делам по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, неизбежно должны учитываться описанные выше особенности и ограничения, вытекающие из дефиниции, введенной законодателем.

Надеемся, что предлагаемый подход позволит отличить тексты, выражающие оправдание, одобрение и обоснование общественно опасных действий,

от высказываний, автор которых имел смелость высказать свои соображения о реально существующих социальных проблемах, создающих предпосылки для возникновения и развития террористической идеологии, послуживших причинами или поводом для конкретного теракта или создавших условия, сделавшие этот теракт возможным.

Литература

1. Бабич О. В. Диагностика речевых действий по оправданию терроризма или идеологии экстремизма // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия, выпуск 5. Ростов-на-Дону: ООО «Донское книжное издательство», 2015. С. 331–338.
2. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014.
3. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
4. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь. М.: Дрофа, 2000.
5. Жарков И. В., Колтунова Е. А. Оппозиция речевых актов одобрения и оправдания в сфере судебной лингвистической экспертизы // Юрислингвистика. 2020. № 15. С. 17–21.
6. Кукушкина О. В. Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. 98 с.
7. Кукушкина О. В. Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 330 с.
8. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве : дис. канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.
9. Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 424 с.
10. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2003.
11. Современный толковый словарь русского языка / под ред. проф. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2003.
12. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: Вып. 1. Саратов, 1997. С. 88–98.
13. Ярошук И. А., Жукова Н. А., Долженко Н. И. Лингвистическая экспертиза : Учебное пособие. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2020. 96 с.

*Igor V. Zharkov**Elizabeth A. Koltunova*

**THE CONCEPTS OF APPROVAL, ACQUITTAL AND RATIONALE
AS MEANS OF PROOF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE
FIELD OF LINGUISTICS**

Abstract. The article contains a linguistic and legal analysis of the concepts of approval, acquittal and rationale in the context of the forensic linguistic practice. The differentiation of these notions is relevant for the current state of the linguistic expert science, since the speech acts of approval, justification and rationale have significant similarities.

Keywords: speech act, justification; acquittal, rationale, approval, public justification of terrorism.